

АЛЕКСАНДРА
ЛАВАЛЬЕ

ЯД, ПОРОХ, ДАМСКИЙ ПИСТОЛЕТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Иллюстрация на развороте и форзаце — *Александры Чу*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Под редакцией *Ирины Натфуллиной*

Лавалье, Александра.

Л13 Яд, порох, дамский пистолет / Александра Лавалье. —
Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-227338-4

Москва, 1915 год.

Молодой военный хирург Алексей Эйлер возвращается с фронта и едет к матери друга, которого не смог спасти. Но она неожиданно признается ему в убийстве собственного мужа... Вскоре происходит новое убийство, и в нем обвиняют Алексея. Чтобы защититься, он вынужден сам взяться за расследование дела. В партнеры к нему набивается журналист бульварного издания. Выясняется, что все не так просто, и герой встает перед выбором: выдать убийцу или оказаться на каторге самому.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227338-4

© Лавалье А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

ВДОВА СТАТСКОГО СОВЕТНИКА

Алексей шагнул на украшенное коваными перилами крыльцо и огляделся. Богатый дом у статского советника Малиновского, а удобную современную мелочь, электрический звонок, не поставили. Телефонного аппарата тоже нет, барышня-телефонистка не отыскала номер. Пришлось извещать о себе запиской, будто на дворе девятнадцатый век, а не прогрессивный 1915 год.

Алексей отодвинул край рукава, щёлкнул кнопкой, открывавшей крышку наручных часов, и взглянул на время. Без одной минуты девять вечера. Что ж, можно стучать.

Ждать пришлось недолго. Дверь открыл пожилой лакей и, прищурив воспалённые глаза, попытался разглядеть знаки отличия на военной форме Алексея. Рука, придерживающая дверь, заметно подрагивала. Через пару долгих мгновений лакей спросил:

— Барин, вы к кому?

Неуместно обращаться к военному «барин», но разобраться в отличительных знаках военных врачей без особой сноровки ни у кого не получается.

— Алексей Фёдорович Эйлер, извольте доложить. Я отправлял записку Глафире Степановне, мы с Михаилом Дмитриевичем вместе служили.

Лакей ахнул и засуетился:

— Так это вы, Алексей Фёдорович, Мишенькин друг! Он в каждом письме, считай, отписывался про вас. Знаем как родного, хоть и не видали никогда! Проходите же, проходите, сейчас свечу зажгу.

Алексей вошёл в темноту дома. Резкий запах сердечных капель ударил в нос.

Лакей со свечой ждал его у лестницы, такой же изящной и чугунной, как перила крыльца.

— Пожалуйте сюда, барин. Темно у нас, не обесудьте. Не велит хозяйка лектричество жечь. Свет, говорит, неприятный, глаза режет.

— Что ж звонка у вас нет, если электричество имеется?

— Дак сняли, и месяца не провисел. Мальчишки окрестные баловались, позвонят и в саду прячутся. Поди слови их. Вот Глафира Степановна и велела снять. Сказала, кому надо, рукой постучит, не переломится.

Алексей снял фуражку и пристроил её на вешалку. Лакей, спохватившись, дёрнулся помочь, но, конечно же, не успел. Зачастил виновато, поднимаясь на второй этаж:

— Уж простите, барин, что плохо принимаем. Беда у нас, Глафира Степановна из комнаты второй день не выходит. Не ест, не спит, сама уж бледнее тени. За врачом послали, ждём вот...

— Что случилось?

— Не знаете ещё? Ну верно, в газетах не писали. Дмитрий Аполлонович позавчера скончались. Одним моментом, только стоял, а через минуту упал и не дышит совсем. Ему сорок восемь было всего... Как полиция ушла, Глафира Степановна в кресло села, да

так и сидит, перед собой смотрит. Чаю ей отнёс, так не притронулась даже. Налил свежего, так она и его...

Лакей споткнулся об угол ковра в гостиной, достал из кармана платок и принялся утирать выступившие слёзы.

Алексей нахмурился. Как неудачно получается! Несколько недель он копил в себе силы на этот визит и выбрал такой неподходящий момент!

В кармане кителя Алексея лежало посмертное письмо родителям от Михаила, лучшего друга Алексея. Они сблизились на фронте, где Алексей был полевым хирургом, а поручик Малиновский служил при штабе. Короткая дружба, всего несколько месяцев, но на войне люди связываются быстро и крепко.

На воспоминания о Михаиле тело привычно отреагировало болью, будто нерадивый хирург забыл под сердцем иглу. Алексей заставил себя сосредоточиться на предметах интерьера гостиной, в которой они остановились, пережидая, когда можно будет вдохнуть. Хотя со стороны выглядело, будто он вежливо ждёт, пока лакей придёт в себя.

В углу гостиной стояло огромное напольное зеркало в раме тёмного дерева на крупных ножках, похожих на львиные лапы. В нём отражались и сам Алексей, и шмыгающий лакей, и чёрная изогнутая спина ро-яля, и портреты хозяев дома, украшавшие парадную гостиную. Красивый у Малиновских дом, только очень уж пахнет горем.

Лакей наконец закончил шмыгать, сделал несколько шагов, но всё-таки не в силах совладать с собой просто махнул рукой на ближайшую дверь.

Алексей постучал. Никакого ответа. Недолго думая, он прокричал:

— Глафира Степановна, это Алексей Эйлер!

Что ж, не по этикету, зато есть шанс поскорее увидеться с хозяйкой дома.

Из комнаты не доносилось ни звука. Алексей оглянулся на лакея, и в этот момент тихий голос произнёс прямо ему в ухо:

— А волосы у вас как у Мишеньки, такие же непослушные...

Алексей вздрогнул. В дверях стояла Глафира Малиновская, маленькая, совершенно невзрачная женщина. Должно быть, в молодости её называли «миленькой», но сейчас в её лице была только неизбывная тоска, за которой размываются черты.

— Входите, Алексей Фёдорович.

Хозяйка посторонилась, и Алексей вошёл в её личные покои. Комната, в которой они находились, служила одновременно диванной и кабинетом. За закрытыми дверями, вероятно, была спальня.

— Простите, я не готова к вашему визиту...

— Я присылал записку.

— Должно быть, затерялась.

Глафира Степановна двигалась осторожно, придерживаясь за мебель. Она села в дальнее кресло, повернулась к почти погасшему камину и, казалось, сразу забыла про посетителя. Алексей подумал и без разрешения сел на ближайший стул. Откашлялся, привлекая внимание, но Глафира Степановна не повернула головы.

За дверью раздалось приглушённое шмыганье.

— Иван, принеси нам чаю! — слегка повысив голос, попросила хозяйка.

Подняв на Алексея выцветшие глаза, Глафира Степановна сказала:

— Иван совсем плох. Беспокоится... Приходится придумывать ему поручения... Чай по десять раз на дню носит, платья готовит. Горничную я рассчитала, видеть никого не могу. Камин вот приказала растопить, хоть и не люблю, когда дымом пахнет... Пусть. Иначе плачет. Совсем старик...

Алексей снова кашлянул, но хозяйка перебила:

— Прошу, не надо соболезнований. Совсем тошно от них.

Дверь приоткрылась, и в неё бочком протиснулась лакей с подносом. Аккуратно, будто трясущиеся руки не мешали ему, расставил посуду, разлил и подал чай гостю. Хозяйка же махнула рукой, мол, оставь мою чашку на столе, и вновь отвернулась к камину.

Алексей сделал глоток. Находиться в молчании было мучительно, но найти в себе силы передать письмо Алексей не мог. Рассердившись на себя, он дёрнулся, стул под ним закрипел.

Глафира Степановна повернула голову и устало, но внимательно посмотрела на него.

— Сколько вам лет, Алексей Фёдорович? Вы как будто чуть старше Мишеньки.

— Мне двадцать пять.

— Да... Мишеньке зимой было бы двадцать два... Как же мне хочется вас расспросить, но совсем нет сил. Видите, как вышло. Сначала сын оставил меня, а теперь и муж.

Она замолчала, но руки её пришли в движение, выдавая волнение. Она быстро ощупывала свои пальцы, будто пытаясь найти кольца, которых не было на месте из-за траура.

— Вы простите, Алексей Фёдорович, что не принимаю вас должным образом. Видите ли, я с минуты на минуту жду врача. Мне... нехорошо.

— Быть может, я смогу помочь?

Глафира Степановна некоторое время непонимающе смотрела на него, потом вспомнила:

— Ах да, вы же врач. Хирург?

— Совершенно верно. Так что вас беспокоит?

Вдова нерешительно пробормотала:

— Не стоит, Алексей Фёдорович, это неудобно.

— Это необходимо.

Он произнёс эти слова ровным властным тоном врача, который так завораживающе действует на пациентов.

— Ваши глаза воспалены, руки дрожат. Встречая меня, вы пошатывались от слабости. Внимание рассеяно, вы с трудом подбираете слова. Так не должно быть даже с учётом обстоятельств. Я помогу вам.

Алексей встал, снял китель и закатал рукава рубашки, готовясь к осмотру. Огляделся. Привычка держать руки в чистоте требовала воды и мыла, но их в комнате не было. Алексей достал платок и тщательно протёр руки. После подошёл и приложил тыльную сторону ладони ко лбу женщины. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Так что вас беспокоит, Глафира Степановна?

Вдова вздохнула и тихо призналась:

— Я совсем не сплю, как умер Дмитрий. Кажется, тело перестало меня слушаться. Раньше я ещё справлялась... Знаете, я стала плохо засыпать, когда Мишенька отправился на фронт. Я тогда нашла средство, — она

кивнула на высокий столик, на котором стояла узнаваемая бутылка Шустовского коньяка¹.

— Коньяк?

— Да. Я принимала на ночь ровно две рюмки, и этого хватало, чтобы заснуть.

Алексей взглянул на бутылку.

— Коньяк как снотворное — неудивительно, а вот то, что он есть... Государь ввёл сухой закон больше года назад, откуда же он у вас?

Глафира слабо улыбнулась сухими губами:

— Я написала управляющему господина Шустова, и мы купили весь коньяк, который был у них на складе. В нашем доме прекрасные сухие подвалы, Иван всё перевёз.

— А что же сейчас? Коньяк не помогает?

Глафира прошептала:

— Я больше не могу его пить.

— Почему же?

Глафира подняла на него взгляд. А ведь когда-то у неё были прозрачные голубые глаза. Такие же, как у сына.

— Третьего дня мой муж Дмитрий выпил этот коньяк, хоть прежде терпеть его не мог. Отобрал у меня рюмку, выпил и... Через пару минут умер.

¹ Производители коньяка, господа Шустовы, были весьма изобретательны в рекламе. Один из придуманных ими ходов заключался в том, чтобы разливать коньяк в бутылки необычных форм. Покупатели жалели выкидывать красивые бутылки и хранили их дома, даже когда напиток заканчивался. Гости дома, конечно же, обращали внимание на интересные бутылки, и таким образом срабатывало «сарафанное радио», поднимая продажи коньяка.

Алексей снова оглянулся на столик.

— Почему же полиция не изъяла бутылку?

— Потому что я им об этом не рассказала.

Алексей подставил стул, сел напротив кресла хозяйки. Щёлкнул крышечкой, открывая циферблат часов. Протянул руку и взял Глафиру Степановну за запястье, чтобы измерить пульс — она слегка вздрогнула, но сопротивляться не стала.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к тиканью хронометра. Привычно считая про себя, Алексей рассеянно глядел в догорающий камин.

Отпустив руку вдовы, Алексей спросил:

— Почему вы не пьёте чай, Глафира Степановна?

— Боюсь, — ответ она прошептала.

— И обед ваш оказался в камине.

Малиновская вздрогнула и прикрыла глаза. Спрятаться сильнее ей не позволяло воспитание.

— Не говорите Ивану, — попросила она, — он будет переживать... У меня всё время перед глазами картина, как Дмитрий пьёт, а потом падает... Я не могу ни есть, ни пить. Он там, у вас за спиной.

Алексей хотел оглянуться, но вовремя опомнился, что за спиной у него быть никого не может, лишь воспалённое воображение вдовы видит там мужа. Он встал, защёлкнул крышку часов.

— Что ж, Глафира Степановна, хотите вы или нет, сейчас мы с вами отправляемся обедать. Водопровод в ваш дом проведён?

Глафира Степановна глянула удивлённо, но ответила:

— Разумеется.

Алексей кивнул, гоня от себя презираемую им бытовую зависть: в его квартире водопровода не было, приходилось довольствоваться услугами водовозов.

Он подал Глафире Степановне руку, и та, пошатываясь, поднялась из кресла.

Поддерживая под локоть, Алексей вывел вдову из комнат. Иван засуетился рядом, охая и причитая. Глафира Степановна одёрнула его, а у Алексея поинтересовалась:

- Куда вы ведёте меня, Алексей Фёдорович?
- На кухню, конечно.
- Это весьма странно, — заметила вдова.
- Считайте это лечебной прогулкой.

Путь от хозяйских комнат до нижнего этажа занял у них не менее двадцати минут. Ослабевшая вдова шла медленно, да и Алексею, только что оправившемуся от ранения, бесконечные лестницы были утомительны. Но ему вполне удавалось делать вид, что он замедляет движение из беспокойства о Глафире Степановне.

Внизу, где обычно располагаются хозяйственные службы, горел неяркий электрический свет. Прислуга оценила преимущества равномерного освещения гораздо быстрее, чем хозяева. Иван смущённо затушил свечи, но утомлённая спуском Глафира Степановна ничего не заметила.

Иван открыл дверь, ведущую на кухню. Кухарка, хлебавшая что-то за столом, вскочила и испуганно вытаращила глаза. Это была молодая девушка, лет двадцати.

Алексей усадил Глафиру Степановну к столу и обратился к кухарке:

- Как тебя звать?

Девушка мигнула:

— Катерина я.

— Подай нам, Катя, пару чашек, — попросил Алексей, а сам открыл кран водопровода.

Приняв из рук кухарки чашки, Алексей произнёс, обращаясь к Глафире Степановне:

— В походных условиях есть правило: нужно пить проточную воду. Такая чище, не застоится, не заболотится.

Алексей набрал воды и с удовольствием отпил. Глафира Степановна наблюдала за ним. Алексей набрал вторую и протянул ей:

— Пейте, Глафира Степановна. На мой вкус вода гораздо лучше чая.

Глафира Степановна осторожно отпила. Алексей прикрыл кран и вновь обратился к кухарке, кивая на чугунок:

— Скажи-ка, Катерина, а что сегодня на ужин?

— Щи вполне подойдут. Но это ж для прислуги. Батрыне я пирог спекла да рябчика... Только не готов ещё, в печи сидит!

Кухарка дёрнулась к печи, стремясь продемонстрировать рябчика. Но Алексей её остановил:

— Щи вполне подойдут. Налей нам.

И сел к столу.

Кухарка в ужасе посмотрела сначала на Глафиру Степановну (та осталась безучастной), а потом на Ивана, который едва заметно кивнул, разрешая.

Через минуту Алексей и Глафира Степановна поедали ужин прислуги. Глафира Степановна ела аккуратно и сохраняла лицо, более приличествующее светскому приёму, чем домашней кухне. Алексей же еле сдержи-

вал смех, уж больно забавными были лица замерших у стены Ивана и кухарки.

Они почти закончили, когда наверху раздался звонок. Иван встрепенулся:

— Доктор пожаловали.

Глафира Степановна опустила ложку.

— Выпроводи его. Алексей Федорович уже назначил мне лечение.

Иван поджал губы, но кивнул, не смея возражать, а вдова слабо, но определённо заговорщицки улыбнулась Алексею.

Поднявшись из-за стола, Глафира Степановна повернулась к кухарке и приказала:

— Катерина, не готовь мне отдельный завтрак. К вам спущусь.

Обратный путь наверх не был короче, но поступь Глафиры Степановны стала уверенней. Время от времени вдова поглядывала на Алексея, о чем-то раздумывая. У дверей своих комнат она спросила:

— Зачем вы отправили меня на кухню?

— Человеку спокойнее среди людей, чем в пустой комнате наедине со страхом. Да и в совместной трапезе есть глубокий смысл: самая безопасная пища та, которую кроме тебя едят и другие...

— Вы считаете, я схожу с ума?

— Я считаю, вы пережили потрясение. Но в скором времени обязательно придёте в себя!

Прежде чем войти в свои комнаты, Глафира Степановна огляделась, будто хотела убедиться, что призраки покинули её дом.

Алексей усадил даму в кресло.